

Иллюстрации: Катерина Гузней для ОВД-Инфо

11.03.2021, 19:14 [Вся Россия](#)

[СТАТЬИ](#)

2014, Украина, «Болотное дело»: первые массовые жалобы в ЕСПЧ на задержания на протестах

В начале 2014 года больше тысячи человек задержали на акциях в поддержку фигурантов «Болотного дела» и против войны в Украине. ЕСПЧ **признал** решения российских судов по административным делам против задержанных несправедливыми и обязал власти России выплатить компенсацию. ОВД-Инфо курировал процесс обжалования задержаний, а сами жалобы подавали юристы ПЦ «Мемориал». Рассказываем, какой была наша первая масштабная юридическая кампания.

В феврале–марте 2014 года прошло четыре крупных акции протеста. За две недели на них было задержано больше тысячи человек. По тем временам это был серьезный масштаб задержаний.

В феврале 2014 должны были оглашать приговор первой партии «болотников», фигурантов так называемого «Болотного дела». Это люди, которые по итогам «Марша миллионов» 6 мая 2012 года обвинялись в массовых беспорядках и применении насилия по отношению к полицейским. В Замоскворецкий суд 21 февраля привезли восемь человек: Сергея Кривова, Андрея Барабанова, Степана Зимина, Алексея Полиховича, Дениса Луцкевича, Артема Савелова, Ярослава Белоусова, Александру Наумову (Духанину).

День приговора по «Болотному делу», 21 февраля 2014 год. Слева направо обвиняемые Ярослав Белоусов, Артем Савелов, Андрей Барабанов, Алексей Полихович, Денис Луцкевич, Степан Зимин / Фото: Евгений Фельдман

Приговор зачитывали 21 и 24 февраля. К зданию суда в оба дня пришло много людей, чтобы поддержать

фигурантов. Власти назвали это несогласованной акцией и стали задерживать собравшихся в хаотичном порядке.

— Формально говоря, — вспоминает один из задержанных Максим Замараев, чью историю мы расскажем в тексте, — никакой акции в этот момент и не было. Было 400 человек, но они пришли все [присутствовать на приговоре], какое тут согласование?

Также задержания были 24 февраля на Тверской улице, куда вышли люди, несогласные с решением суда.

Группа поддержки фигурантов «Болотного дела», день приговора, 21 февраля 2014 год / Фото: Евгений Фельдман

ОМОН у суда, где зачитывали приговор фигурантам «Болотного дела», 21 февраля 2014 год / Фото: Евгений Фельдман

Задержание правозащитницы Аллы Фроловой, 21 февраля 2014 год / Фото: Евгений Фельдман

Следующая акция случилась буквально через неделю. Совет Федерации разрешил Владимиру Путину ввести войска на территорию Украины. Люди вышли на Манежную, Тверскую, Красную площади и к министерству обороны.

— У людей еще было свежо воспоминание о 2012 годе, — рассказывает аналитик ОВД-Инфо Григорий Дурново, — половина которого прошла под знаком своего рода эйфории: выходы на улицы, почти регулярные, начиная с декабря 2011-го, когда протестовали против результатов парламентских выборов. И было ощущение, что силой этих выходов на улицу можно многое изменить. Если не свалить режим, то по крайней мере заставить сильно сдать позиции. Это продолжалось вплоть до 6 мая, когда неожиданно для многих аналогичная предыдущим мирная акция была разогнана.

**В 2014 ГОДУ В ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ
БЫЛО НЕ МЕНЬШЕ 2635 ЗАДЕРЖАНИЙ НА АКЦИЯХ ПРОТЕСТА**

Большая часть из них пришлась на начало года

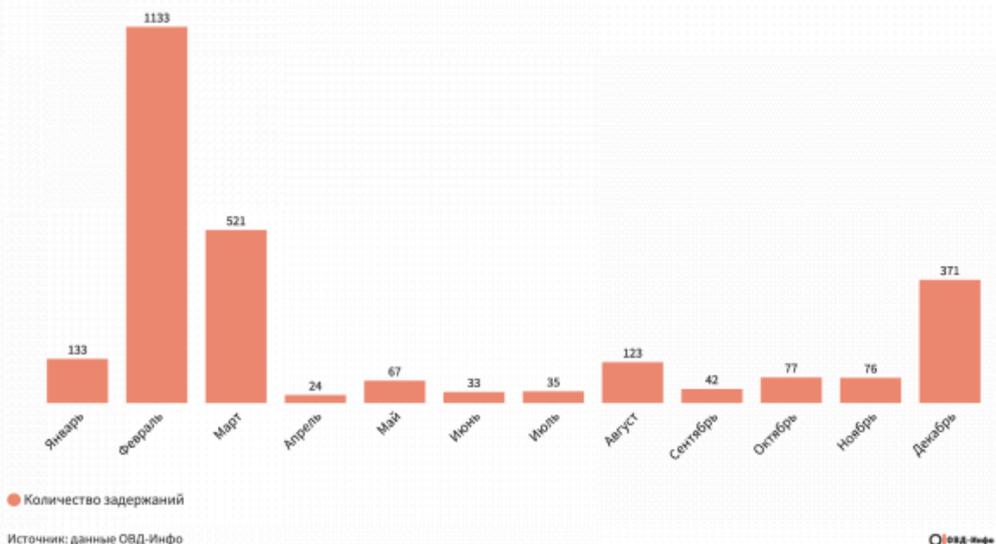
Количество задержаний

Источник: данные ОВД-Инфо за 2014 год по Москве и Санкт-Петербургу

 ОВД-Инфо

В 2014 ГОДУ БЫЛО НЕ МЕНЬШЕ 2635 ЗАДЕРЖАНИЙ НА АКЦИЯХ ПРОТЕСТА

Большая часть из них пришлась на начало года

2014-й год начался сразу с массовых задержаний. Данные ОВД-Инфо о количестве задержанных в Москве и Санкт-Петербурге также иллюстрируют, что принятые в 2012–2014 годах законодательные инициативы стали основой для роста задержаний, а также сделали само участие в протестах гораздо более рискованным. Далее этот тренд нарастал, мы можем это видеть по данным о задержаниях на крупных акциях протеста: 26 марта 2017 года задержали больше тысячи человек, 5 мая 2018 года — уже больше 1600, за 4 акции лета 2019 года было задержано больше 3500 человек, за январь–февраль 2021 года было задержано свыше 11 тысяч человек по всей России.

— Прошло четыре демонстрации рубежа февраля-марта 2014 года, — вспоминает юрист Кирилл Коротеев, который в 2014 году защищал задержанных в судах и подавал жалобы в ЕСПЧ. — Горячие дни: олимпиада, Революция Достоинства, российские военные оккупируют Украину, «отечество в опасности, наши танки на чужой земле», протесты в Москве, суды над демонстрантами, параллельно суды по «иностранным агентам» [в отношении НКО] возобновляются с апреля... Горячее время, определившее нашу сегодняшнюю жизнь.

СУД НАД «БОЛОТНИКАМИ»

— Уважаемые граждане, ваши действия не согласованы с органами власти, просьба освободить проезжую часть!
— монотонно повторяют сотрудники полиции в мегафоны.

Автозаки ждут у здания Замоскворецкого суда с самого утра. В пятницу 21 февраля 2014 года здесь должен был быть зачитан приговор восьми фигурантам «Болотного дела». Процесс шел почти два года и привлек серьезное внимание общественности. К зданию суда прибывают люди, желающие поддержать обвиняемых. На Татарской улице собирается около 400 человек.

— Я находился внутри, — вспоминает Григорий Дурново, — я был в здании суда на первом этаже и слушал трансляцию. До начала чтений стояли огромные кордоны, в зал пропускали только по пресс-картам, в здание — со скрипом. Людям на улице полицейские говорили, что заседание закрытое. Это была неправда. Были приняты суровые меры предосторожности, с самого утра там было осадное положение.

В здание едва смогли пройти родственники и немногие журналисты, обычных слушателей не пускали. Судья Наталья Никишина начала зачитывать приговор. Через час резко остановилась и объявила, что продолжит зачитывать приговор в понедельник 24 февраля. В тот день до оглашения сроков не дошло. Собравшиеся у здания люди стали кричать: «Свободу!»

— Зрителей не пустили, и люди остались у здания суда ждать приговора, — рассказывает юрист ПЦ «Мемориал» Татьяна Глушкова. — Естественно, с их стороны были какие-то выкрики с призывами освободить «болотников». Но изначальной целью этих людей, безусловно, было присутствие при оглашении приговора, а не участие в публичном мероприятии. Тем не менее полиция начала задержания.

Девушки и жены обвиняемых в коридоре Замоскворецкого суда (в центре) Татьяна Попова, жена Алексея Полиховича, (справа) Александра Кунько, девушка Степана Зимина / Фото: Евгений Фельдман

В коридоре Замоскворецкого суда / Фото: Евгений Фельдман

Толпу клином рассекали группы сотрудников ОМОНа, хватали собравшихся и волокли к полицейским автобусам. Позднее ГУ МВД заявит, что сотрудники **просили** граждан «прекратить попытки нарушать общественный порядок»,

но, встретив активное сопротивление — стали их задерживать.

— Орда набегала и утаскивала без объяснения, — вспоминает один из задержанных в тот день Максим Замараев. — Меня очень поразило тогда: в [одной] спайке [сотрудников полиции] был какой-то офицер, который командует ими. А у него глаза как у наркомана, безразличные, яростью налитые. Он постоял рядом со мной, посмотрел вокруг стеклянными глазами и на меня, я на него — дескать, «И что?» — а он: «И этого тоже тогда». За немой вопрос в глазах меня схватили.

Максим Замараев / Фото со страницы Максима в фейсбуке

Вместе с Максимом в автозак попало еще 18 человек, всех повезли в ОВД «Строгино». Долго не оформляли,

по словам Максима, «искали всех [полицейских], кто может писать». Сотрудники от руки заполняли протоколы. Максима оформлял сотрудник, который вел полицейский автобус.

Уже существовала традиция переворачивать портреты Путина в отделах вверх тормашками. Задержанные ждали, когда сотрудники уйдут, чтобы перевернуть. Сотрудники полиции оформляли протоколы долго. Максим вышел в дежурную часть, попросил вернуть ему паспорт и ушел, никем не остановленный. Материалы дела все равно отправились в суд.

ТРИ ПЛОЩАДИ

«Решение, конечно же, за президентом нашей страны, за верховным главнокомандующим. Но сегодня, учитывая ситуацию, даже такой вариант нельзя исключать.

Мы должны защитить людей», — **сказала** председатель верхней палаты парламента Валентина Матвиенко.

Владимир Путин делает запрос в Совет Федерации и просит разрешить ему ввести войска на территорию Украины. Сенаторы единогласно разрешают.

На следующий день 2 марта москвичи выходят на акции протеста против войны в Украине.

Акции против войны в Украине, 2 марта 2014 года, Москва / Фото: Василий Петров

Акции против войны в Украине, 2 марта 2014 года, Москва / Фото: Василий Петров

Акции против войны в Украине, 2 марта 2014 года, Москва / Фото: Василий Петров

— В конце февраля 2014 года в Киеве победил Евромайдан, и тогдашний президент Янукович был фактически свергнут, — напоминает юрист Татьяна Глушкова. — А 1 марта российский Совет Федерации дал разрешение на ввод войск РФ на территорию Украины. На следующий день люди, которые хотели выразить свое недовольство этим решением, пришли на Манежную площадь с плакатами «Нет войне», с белыми бумажными голубями и так далее.

Сергей Ахунов в 2014 году был гражданином Украины. Он долго жил в России и имел здесь вид на жительство. Известие о том, что Россия готова ввести войска в Украину, его шокировало. Он вместе со своими друзьями и женой решил выйти на Манежную площадь, чтобы выразить несогласие.

— Я вышел с этим протестом, потому что чувствовал надвигающуюся угрозу войны, — рассказывает Сергей.
— Это неосознанно было. Против войны в целом. Тогда еще не было той информации, которая у нас сейчас есть. Тогда были только слухи.

Григорий Дурново во время акций против войны в марте был на горячей линии ОВД-Инфо и принимал звонки. Всего было **задержано** порядка 300 человек.

— Я испытал сильные чувства: мне позвонила жена задержанного, — вспоминает Дурново. — Когда она сообщила мне его данные, я понял, что это человек, у которого я учился в университете. Я перезвонил ему, с ним рядом оказался его коллега. Больше никого в этом автозаке я не знал, но для меня это был какой-то знак моей личной сопричастности. Для меня это оказались не просто незнакомые люди, которым я сейчас помогу. Когда мы разговаривали, я ему сказал: вот, знаете, я учился у вас арамейскому языку.

Одна из подзащитных Максима Крупского вышла на акцию протеста, держа в руках раненого белого голубя. Из его живота текла красная краска — кровь. Девушка молча стояла с протянутым к небу белым голубем мира, пока ее не забрали сотрудники полиции.

— Это была не совсем акция протеста, — рассказывает Сергей Ахунов, — она не была массовой. Я, моя жена и двое моих друзей — мы вышли к памятнику Жукова. И я был единственным, у которого было «Нет войне» — не плакат, а от руки написанный импровизированный кусочек [бумаги]. И именно поэтому, как только я его достал, ко мне тут же подошли, улыбаясь, два ОМОНовца и почти шутливо забрали в автозак.

Сергей Ахунов / Фото со страницы Сергея в фейсбуке

Сергей отмечает, что сотрудники были вежливы, как будто понимали всю абсурдность происходящего. Его продержали в автозаке в течение двух часов, потом привезли в отдел полиции. На вопрос, пытался ли Сергей объяснить, что это акция против войны в целом, а не против действий властей, он ответил, «Какой смысл говорить в милиции [полиции] то, что тебя не спрашивают? Тебя никто не будет слышать».

— Тогда еще правозащитные организации, работающие в Москве, не имели выстроенной инфраструктуры для того, чтобы помочь такому числу задержанных, — объясняет Татьяна Глушкова. — Я даже не говорю, что всей тысяче. Хотя бы половине из тысячи. Хотя бы 20 процентам. Были штатные юристы нескольких правозащитных организаций, которые на регулярной основе помогали митингующим. К этим организациям относились ПЦ «Мемориал», «Общественный вердикт» и ЮРИКС, где я тогда работала.

КОАЛИЦИЯ ЮРИСТОВ

— Был пост на фейсбуке о том, что люди собирают деньги на штрафы для тех, кого задержали, — вспоминает адвокат Максим Крупский. — Посыл был такой: может быть, имеет смысл обжаловать задержания, раз они незаконные, а не просто собирать деньги на штрафы. И мне моя знакомая написала: напиши у себя, что ты можешь взяться за эту работу, вдруг кто-то откликнется.

По словам журналиста и сооснователя ОВД-Инфо Григория Охотина, до 2014 года интерес к обжалованию своего дела в судах, а тем более в ЕСПЧ практически не существовал. Возможно, потому, что штрафы были маленькие и воспринимались задержанными как «штраф за парковку». Возможно, потому, что не было такой стратегии поведения. Но в 2014 году появилось ощущение, что можно смотивировать задержанных идти отстаивать свои права в судах.

Охотин отмечает, что в феврале–марте были задержаны не среднестатистические активисты, которые уже привыкли к поездкам в автозаках в отделы, а обычные горожане, профессора, сотрудники СМИ, для которых такое задержание было шоком. Казалось, что беспредел происходит только в отделах, а в судах получится доказать всю абсурдность задержания. Появился запрос на правовую помощь. И сразу появился ответ.

— Ко мне обратились за помощью или были направлены Григорием Охотиным несколько задержанных, — рассказывает юрист Кирилл Коротеев. — Другие обратились к коллегам из ЮРИКСа и «Вердикта». Когда мы увидели друг друга в судах, то стали координировать позиции, обмениваться практиками, чтобы наши позиции были последовательны и учитывали требования ЕСПЧ, потому что уже тогда было понятно, что конвейер заработал, дела закончатся в Страсбурге.

Многие юристы отмечают ощущение «конвейера» от этих дел. На конвейер надо было как-то реагировать,

потому что стало понятно: нужна сплоченность юридических организаций и единая политика защиты. Тогда 6 марта 2014 года в Правозащитном центре «Мемориал» была организована встреча, на которой присутствовали юристы из самого центра, «Общественного вердикта» и ЮРИКСа («Юристы за конституционные права и свободы»). Последняя организация закрылась после того, как ее признали иностранным агентом. ОВД-Инфо занимался организацией всего процесса защиты: от задержания до прикрепления подзащитного к юристу из состоящих в коалиции организаций.

Встреча правозащитников 6 марта 2014 года / Фото: ОВД-Инфо

— Встретились, поговорили, обсудили все вопросы, пришли к согласию по всем пунктам, разошлись, — вспоминает юрист Татьяна Глушкова. — Я участвовала во всем этом как сотрудник ЮРИКСа, то есть это не было моим личным решением. Но никакого несогласия с этим решением у меня не было. Создать коалицию было максимально рационально. С первых дней, когда это начало происходить, мы все понимали, что в одиночку каждый из нас не переварит тот объем обращений,

с которым нам предстоит столкнуться, и нужны координация и шаблонизация.

Тогда буквально за одну ночь была написана инструкция «Помоги себе сам». Эта инструкция постоянно дополняется и используется по сегодняшний день. Текст был написан простым и понятным языком и за первый день набрал небывалое для того времени количество просмотров.

Максим Замараев вспоминает, что увидел пост в фейсбуке, в котором была предложена юридическая помощь задержанным. Он понял, что готов идти до конца, и пришел на встречу с юристами «Мемориала». Он вспоминает, что на встрече с Кириллом Коротеевым задержанные обговаривали позицию защиты. Многих испугали слова юриста, что нужно признать свое участие в акции. По мнению Максима, причина была в том, что раньше большинство активистов предпочитали говорить в суде, что их задержали случайно, если, конечно, вообще приходили в суд по своему делу.

— Не было никаких надежд, никаких иллюзий, — вспоминает Сергей Ахунов о том, почему он решил участвовать в обжаловании своего дела и идти в ЕСПЧ.

— Я просто отдался на волю тех людей, которые предложили. Я вижу, что они делают какое-то дело. И, возможно, это надо было не столько мне — я заплатил штраф и на этом закончилось, — а это надо было скорее этому делу, которое делали эти люди. И я согласился своим примером помочь.

Юрист Елена Першакова, которая и тогда, и сейчас работает в организации «Общественный вердикт», называет опыт работы по этим делам беспрецедентным — как с точки зрения сплоченности общественных организаций, так и с точки зрения количества дел и количества нарушений в их рассмотрении.

СУД НАД ЗАДЕРЖАННЫМИ

Тверской районный суд тогда находился на Цветном бульваре. Большая часть административных дел задержанных попадали в него. После акции 5 мая 2018 года «Он нам не царь», организованной штабами Навального по случаю инаугурации Путина, когда станет понятно, что один суд не может рассматривать такое количество дел по статье о нарушении порядка проведения публичных мероприятий (20.2 Кодекса об административных правонарушениях), власти придумают перенести рассмотрение дел в суды по подсудности отделов, в которых составлялись материалы. Так «конвейер» распространится по всей Москве.

А пока все дела идут в одно место. И все задержанные и защитники тоже будут стекаться туда. Максим Крупский вспоминает, что его поразило количество людей в коридорах суда и огромные очереди на рассмотрение административных дел. Приходилось часами ждать под дверью, когда судья пригласит в зал судебных заседаний.

Вход в старое здание Тверского суда, 2017 год / Фото: AlexChirkin, Wikimedia Commons, СС0

В старом здании суда два крыла: две лестницы ведут в разные залы заседаний. Задержанных отправляли из одного крыла в другое, перекидывая их дела между разными судьями. Людям приходилось то и дело спускаться на первый этаж и проходить длинный коридор.

Максим Замараев приехал в суд и начал искать свой зал. На лестнице его встретила девушка с оператором

и попросила дать ей комментарий. Максим уже хотел ответить, как сверху кто-то крикнул:

— Это НТВ, это сурковская пропаганда!

Тогда и Максим следующим, кто поднимался по лестнице, кричал, что это НТВ и с ними не стоит говорить. Пока дела кидали из крыла в крыло, дело Максима уже успели рассмотреть. Секретарь вышел и сказал: «Ты подожди, мы сейчас вынесем [постановление]».

— Запомнились сотрудники полиции в штатском, — вспоминает Максим Крупский, — которых иногда вызывали в качестве свидетелей и которые, по-моему, сами были под впечатлением от такой атмосферы. Конечно же, запомнились судьи, которые в силу специфики своей работы смотрели на наших подзащитных как на заведомо виновных и не делали никаких попыток выяснить, есть ли на самом деле состав правонарушения в действиях человека. Сама процедура была устроена таким образом, что у судьи фактически не было времени, чтобы разбираться в деталях и прислушиваться к нашим доводам, — иначе, как конвейерным правосудием, это было сложно назвать.

У себя в фейсбуке Крупский приводит диалог одного допроса сотрудника полиции:

Защитник: «Как Вы поняли, что гражданин М. принимал участие в митинге?»

Полицейский: «Я это понял».

З.: «Как именно?»

П.: «Ну их же сразу видно, тех, кто принимает участие. У них там плакаты есть, флаги».

З.: «У гражданина М. были плакаты?»

П.: «Нет».

З.: «Флаги?»

П.: «Нет».

З.: «Тогда как Вы поняли, что его нужно задержать?»

П.: «Я это просто понял. У нас был приказ».

У Сергея Ахунова и правда был плакат. И по такой логике его должно было быть «сразу видно». Несмотря на то, что статья 20.2 КоАП часть 5 (нарушение порядка проведения мероприятия участником) не подразумевает наказание за плакат, суд остался глух к доводам обвиняемого.

— Я представляла Сергея в первой инстанции, — рассказывает Татьяна Глушкова. — Мы пришли в суд, судья зачитала протокол, в котором было написано, что он стоял на Манежной площади и держал плакат с надписью «Нет войне». Судья спросила его: «Так все было?» Он ответил: «Истинно так». А у него внешность колоритная: борода, волосы собраны в хвост. Судья очень обрадовалась: «То есть вы признаете вину?». Он смутился и ответил: «Нет, вину я не признаю». «Ну, как же, вы же признались,

что вы были там с плакатом?» — «Да, я был там с плакатом, но вину-то я не признаю». Я вмешалась и начала рассказывать судье, чем признание факта отличается от признания вины.

— В первый раз это была довольно грубая судья, — вспоминает Сергей, — молодая девушка, до 30 лет. Ощущение было не очень приятное из-за тона, который исходил от судьи. Это было бестактно. Она говорила со мной, как с мальчиком-уголовником, который вляпался и хочет себя оправдать.

Кирилл Коротеев вспоминает о деле, которое ему больше всего запомнилось. Тогда юристам помогало большое количество волонтеров, которые выступали в судах в качестве защитников. Защитница-волонтер Кристина Лантьева позвала Кирилла в процесс, потому что дело показалось ей очень сложным.

— И правда, — вспоминает Кирилл, — постановление Замоскворецкого суда признавало виновным то Чепайтиса, то кого-то другого, давалась ссылка на протокол в отношении Алексея Черкасова — в общем полный бардак. Также в апелляции допрашивали полицейских, что была большая редкость. Они, кстати, правду говорили, что Чепайтиса не задерживали и вообще его не видели. Естественно, апелляцию Мосгорсуд отклонил. Но не этим редким допросом запомнилось дело. К большому сожалению, через год Кристина Лантьева умерла от внезапного сердечного приступа в очень молодом возрасте. Эти дела — память о ней тоже.

ПОПРАВКИ К ЗАКОНАМ О СВОБОДЕ СОБРАНИЙ

2014-й стал годом ужесточения законодательства о свободе собраний. Статья 20.2 Кодекса об административных правонарушениях в июле 2014 года

пополнилась сразу шестью новыми частями. Появилась мера так называемого «повторного правонарушения»: если человека задерживают в течение года после погашения первого решения суда. Максимальное наказание по «повторной» статье — 300 тысяч рублей штрафа (совершенно неподъемная сумма для большинства граждан России) или 30 суток административного ареста.

В Уголовном кодексе появилась статья 212.1, которая предусматривает уголовное наказание за неоднократное нарушение порядка проведения мероприятий: для того, чтобы возбудить дело по такой статье, нужно, чтобы у человека было не менее трех вступивших в законную силу решений по статье 20.2 КоАП за полгода.

Появившаяся статья, по мнению Охотина, оказала «охлаждающий эффект» и многих испугала.

На сегодняшний день эта статья применялась двенадцать раз.

— На мой взгляд, изменения 2014 года — это продолжение запретительного тренда, который начался в 2012 году, — рассказывает аналитик ОВД-Инфо Денис Шедов, — когда в разы увеличились штрафы за нарушения во время акций, появились новые составы административных правонарушений, появились дополнительные ограничения для организаторов публичных мероприятий, региональные законодатели получили возможность вводить собственные территориальные ограничения для проведения акций и так далее. В этом плане 2014 год стал очередной вехой на пути сокращения пространства свободы собраний и выражения.

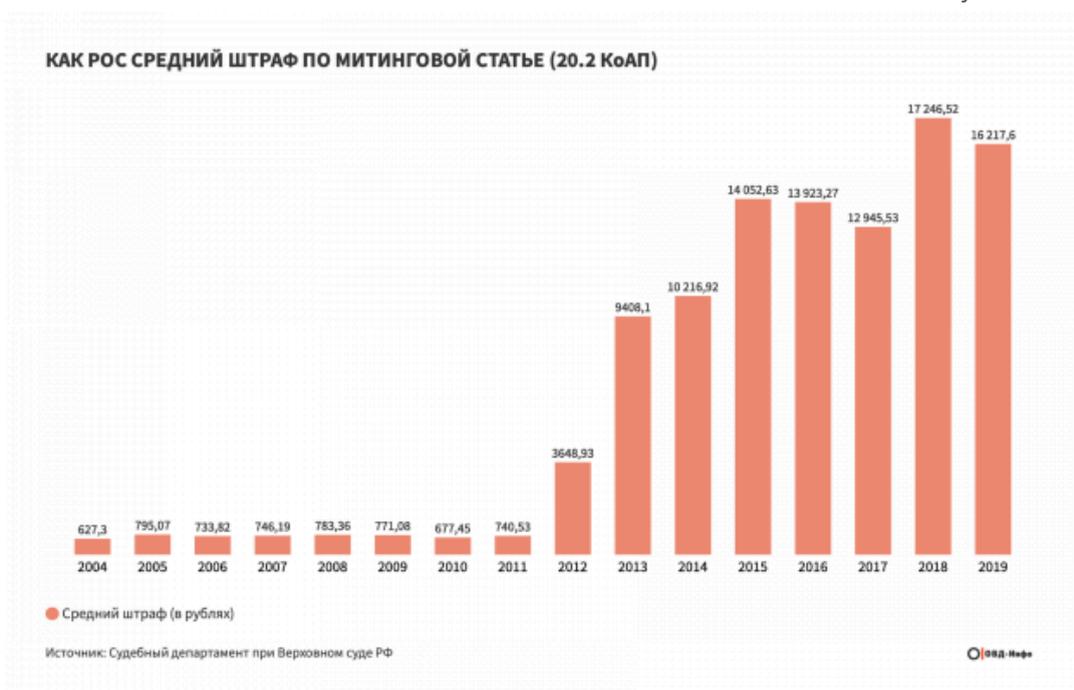
КАК В РОССИИ РОС СРЕДНИЙ ШТРАФ ПО МИТИНГОВОЙ СТАТЬЕ (20.2 КоАП)

Средний штраф (в рублях)

Источник: Судебный департамент при Верховном суде РФ, данные по всей России

ОВД-Инфо

Made with Flourish • Create your own

На графике видно, что до 2012 года средний размер штрафа был примерно одинаковым и незначительным.

С 2012 года сумма неуклонно продолжает расти.

Не последнюю роль в ужесточении сыграли события в Украине. Так, весной 2014 года во время обсуждения в первом чтении в Госдуме законопроекта о введении уголовной ответственности за нарушение порядка проведения акций депутаты откровенно ссылались на украинский опыт. Депутат от «Единой России» Александр Сидякин **обосновывал** необходимость принятия поправок следующим: «Мы видим, что право на проведение массового мероприятия должно учитывать право другого гражданина на проживание в безопасных условиях, на возможность ходить безопасно по городу, использовать улицы для жизнедеятельности, на возможность просто жить в городе, не участвуя при этом в каких-либо демонстрациях. К чему приводит противоположное мнение? Когда право на свободу проведения массового мероприятия становится абсолютным, это означает, что право меньшинства начинает доминировать над правом большинства, и реализация этого права может привести к таким событиям, которые мы наблюдали на Украине».

Денис Шедов отмечает, что именно в 2014 году в лексике российских законодателей появился термин «несогласованное публичное мероприятие». Де-факто, с этого момента согласование акций стало носить именно разрешительный характер.

ЕСПЧ

Прекратить дела в российских судах удалось единицам. По словам Елены Першаковой, в основном из-за процессуальных нарушений в документах. По всем остальным были вынесены обвинительные решения. Единственный суд, где возможно было бы добиться справедливости, — это Европейский суд по правам человека.

Стратегия юристов, участвующих в этих делах, была направлена именно на подачу жалоб в ЕСПЧ. Два года понадобилось Европейскому суду, чтобы начать коммуникацию с заявителями. Еще четыре — чтобы вынести постановление.

— Это единственный суд, — объясняет Кирилл Коротеев, — который решает такие дела беспристрастно, на основании ранее сформулированных правовых норм, по процедуре, где каждая сторона может высказаться, количество звездочек на погонах не предопределяет убедительность доказательств.

По свободе собраний, то есть по 11 статье Конвенции, у ЕСПЧ уже сформировалась устойчивая практика. То есть суд уже неоднократно призывал страну не задерживать мирных протестующих. От подачи до коммуникации жалоб за 2019 год потребовалось всего полгода, то есть в четыре раза меньше времени.

Татьяна Глушкова считает, что есть три причины подавать жалобы в ЕСПЧ. Первая — моральное удовлетворение, возможность добиться справедливости хотя бы на международном уровне, раз уж внутри России это невозможно. Второе — компенсация: ЕСПЧ присуждает компенсации за нарушения прав, и Россия их выплачивает. И третья причина — надежда, что количество дел станет настолько критическим, что государству придется изменить свою политику в отношении свободы собраний.

— В то же время важно понимать, — добавляет Глушкова, — что ЕСПЧ изначально создавался не для того, чтобы работать с массовыми повторяющимися делами и в 100 500-й раз повторять государству: «Не делай этого, не делай», — когда совершенно очевидно, что государство хочет и будет продолжать делать это. Фактически массовая подача жалоб в Европейский суд по митинговым делам — это использование микроскопа для забивания гвоздей. Но другого выхода у нас, увы, нет.

Здание Европейского суда по правам человека / Фото: Marcella, Flickr, CC BY-NC-SA 2.0

Задержанный Максим Замараев отмечает, что ему нравится, что дела в ЕСПЧ называются «Такой-то против России». Пока он и его товарищи по автозаку готовили жалобы в ЕСПЧ, они чувствовали себя «Давидами, которые решили с Голиафом помериться силами в условиях, которые более или менее равны для всех».

В октябре ЕСПЧ вынес **постановление** по делу Максима Замараева. Ему, а также другим задержанным у Замоскворецкого суда 21 и 24 февраля, суд присудил по пять тысяч евро. В общей сложности теперь России придется заплатить около 140 тысяч евро. Юристы отмечают, что сейчас политика России в отношении мирных протестующих следующая: им легче разогнать митинг, а потом выплачивать большие компенсации, чем изменить ситуацию со свободой собраний.

— Было интересно и не страшно, — вспоминает Максим.
— Надежд больших на скорые изменения не было. Но это не было поводом для того, чтобы не пробовать.

По делам на митингах против войны в Украине суд тоже вынес **постановление** и признал нарушения прав задержанных. Жалобу Сергея Ахунова по каким-то причинам рассмотрели позже остальных — только в 2020 году ЕСПЧ вынес по ней **постановление**, где признал нарушение права на свободу собраний.

— Мое задержание не идет ни в какое сравнение с тем, что происходит сейчас. Тогда это был почти фарс, улыбочивые омонувцы, сами не до конца понимающие, зачем все это... Теперь все несоизмеримо жестче, — говорит Ахунов.

ОВД-Инфо и сейчас подает жалобы на нарушения свободы собраний и свободы слова в ЕСПЧ.

— Я не из тех, кто считает, что бороться бессмысленно, — рассказывает Григорий Дурново. — «Здесь ничего не будет, Господь, жги!» — это не про меня. Я понимал, что система работает так. С большой вероятностью решения ЕСПЧ будут положительными, но российская власть все это выплюнет, выплатит — и все. Но мне кажется, что эта деятельность важна в смысле осознания проблем: когда люди готовы не опускать руки, собирать информацию, готовы бороться, идти и добиваться, несмотря на то, что это может долго длиться.

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

109 446

Украина

Ещё почитать

Либо некомпетентность, либо злой умысел

Адвокат Максим Крупский по просьбе ОВД-Инфо комментирует новый проект Кодекса об административных правонарушениях.